

DOI: [10.14515/monitoring.2021.6.1883](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1883)

К. С. Григорьева

ИССЛЕДОВАНИЯ НАДЗОРА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Правильная ссылка на статью:

Григорьева К. С. Исследования надзора: основные направления и теоретические подходы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 477—505. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1883>.

For citation:

Grigoreva K. S. (2021) Surveillance Research: Main Areas and Theoretical Approaches. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 477–505. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1883>. (In Russ.)

ИССЛЕДОВАНИЯ НАДЗОРА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

SURVEILLANCE RESEARCH: MAIN AREAS AND THEORETICAL APPROACHES

ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна — старший научный сотрудник, кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: kсениаgригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

Kseniya S. GRIGOREVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow
E-MAIL: kсениаgригорьева@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7761-7792>

Аннотация. В последние годы в российских средствах массовой информации и общественно-политическом дискурсе все чаще звучат опасения слежки со стороны государства и бизнес-корпораций. Опросы общественного мнения показывают растущую обеспокоенность населения недостаточной защитой персональных данных. Однако научная разработка этих проблем в России находится в зачаточном состоянии, а многочисленные зарубежные исследования надзора остаются малоизвестными. Данная статья призвана ознакомить русскоязычную аудиторию с иностранной научной литературой о надзоре, стимулировать развитие российских исследований в этой области. Приводится краткая история изучения слежки, прослеживается его институционализация (создание специализированных научных центров, академических сетей и журналов), дается обзор основных исследовательских направлений в указанной сфере (изучение государственного и коммерческого надзора, частно-государственного партнерства в области слежки, наблюдения работодателей за работниками, контрнаблюдения или надзора «снизу», слежки частных лиц друг за другом), рассматриваются ключевые теоретические подходы (паноптическая модель М. Фуко, концепция К. Д. Хаггерти

Abstract. In recent years, fears of surveillance by the state and business corporations have been growing louder in the Russian media and public and political discourse. Opinion polls show a growing public concern about the lack of personal data protection. However, the scientific development of these problems is in its infancy in Russia, and numerous foreign surveillance studies remain almost unknown. This article seeks to familiarize the Russian-speaking audience with foreign scientific literature on surveillance, to stimulate the development of Russian research in this area. A brief history of the surveillance research in the West and an overview of the main research areas in this field are given, and key theoretical approaches are considered.

¹ Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

и Р. В. Эриксона, акторно-сетевой подход, развиваемый Д. М. Вудом и К. Болл, концепция «социальной сортировки» Д. Лиона). В заключительной части делаются некоторые прогнозы относительно дальнейшего развития исследований надзора.

Ключевые слова: исследования надзора, конфиденциальность, социальная сортировка, надзорный капитализм, паноптическая модель, пост-фукотианские концепции

Keywords: surveillance research, confidentiality, social sorting, surveillance capitalism, panoptic model, post-Foucauldian concepts

Введение

В последнее время российские новостные ленты полны панических заголовков о стремительном росте слежки за гражданами. СМИ сообщают о надзоре за передвижением россиян, их доходами, поведением в интернете и соцсетях¹. Граждан предупреждают, что слежка может осуществляться через гаджеты, от смартфонов до «умных» колонок², а ее инициаторами могут выступать как российские, так и зарубежные власти, бизнес-корпорации и другие заинтересованные организации³. Хотя оруэлловские перспективы еще не в полной мере захватили внимание российского общества, недавнее исследование ВЦИОМ показывает, что 70 % россиян разделяют опасения в отношении возможной передачи их персональных данных третьим лицам. Причем 58 % респондентов считают, что это может представлять для них личную угрозу⁴. Подобные опасения нельзя назвать беспочвенными:

¹ См., например: Королев Н. В сложной оперативной обстановке. Пассажиры Москвы будут мониторить по смартфонам. Коммерсантъ. № 192. 2020. 20 октября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4539137?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 12.02.2021); Шевченко Д. (2020) За россиянами в поездах установят слежку. Deita. 2020. 16 октября. <https://deita.ru/article/484075> (дата обращения: 18.12.2021); Троянова П. «Тотальная слежка»: как государство контролирует доходы россиян? Bankiros. 2020. 07 октября. URL: <https://bankiros.ru/news/totalnaa-slezhka-kak-gosudarstvo-kontroliruet-dohody-rossijan-5877> (дата обращения: 12.02.2021); Пешкова И. Власти создают систему слежки за криптовалютой россиян. Cnews. 2020. 11 августа. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-08-11_vlasti_sozdayut_sistemu_slezhki (дата обращения: 12.02.2021); Черноусов И. Камера сохранения. Instagram обвинили в слежке за людьми. Российская газета. № 164 (8218). 2020. 27 июля. <https://rg.ru/2020/07/27/instagram-obvinili-v-slezhke-za-polzovateliami.html> (дата обращения: 12.02.2021).

² См., например: Маркина Е. Всевидящее око — новый способ слежки за россиянами разрабатывают власти. Sakhalinmedia.ru. 2020. 20 октября. URL: <https://sakhalinmedia.ru/news/1011722/> (дата обращения: 14.12.2021); Владимирова А. «Умные» колонки заподозрили в слежке за владельцами. Мойка78. 2020.26 февраля. URL: <https://moika78.ru/news/2020-02-26/371700-umnye-kolonki-zapodozrili-v-slezhke-za-vladeltsami/> (дата обращения: 14.12.2021); Цой Е. Жучок в смартфоне: инженеры доказали факт тотальной слежки за россиянами. Deita.ru — Новости России и Дальнего Востока. 2019. 6 ноября. URL: <https://deita.ru/article/464443> (дата обращения: 14.12.2021).

³ См., например: Кузнецов П. Силовики отслеживают передвижения россиян через мобильную связь. Блокнот. 2021. 04 февраля. URL: <https://bloknot.ru/obshhestvo/siloviki-otsledyat-peredvizheniya-rossijan-cherez-mobilnuyu-svyaz-741533.html> (дата обращения: 14.12.2021); Филиппов В. «Тотальная слежка»: Facebook угрожает конфиденциальности россиян. Информационный портал New Inform. 2020. 21 ноября. URL: <https://newinform.com/259602-totalnaya-slezhka-facebook-ugrozaet-konfidentialnosti-rossijan> (дата обращения: 14.12.2021).

⁴ ВЦИОМ. Персональные данные в интернете: угроза утечки и как с ней бороться. 2020. 1 декабря. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/personalnye-dannye-v-internete-ugroza-utechki-i-kak-s-nej-borotsja> (дата обращения: 14.12.2021).

надзорные технологии в России быстро развиваются, а правительство последовательно демонстрирует стремление установить контроль над цифровой сферой. Первым шагом к этому было введение в 1998 г. известной системы СОРМ⁵, третья модификация которой, внедренная в 2014 г., позволяет собирать информацию со всех средств связи и предполагает долгосрочное хранение абонентских данных. Так называемый закон Ирины Яровой, принятый в 2016 г., продолжает движение в том же направлении, устанавливая обязанность операторов связи хранить весь трафик (включая звонки и сообщения) в течение шести месяцев, а относящиеся к нему метаданные — три года. Внедряемый с 2015 г. во всех российских регионах программно-аппаратный комплекс «Безопасный город» нацелен, в том числе, на создание разветвленной системы видеонаблюдения и видеофиксации. В рамках реализации данного проекта только в Москве установлено и функционирует более 175000 камер видеонаблюдения⁶. Пандемия COVID-19 дала новый импульс развитию надзора за населением. Как следует из доклада «Пандемия слежки», подготовленного правозащитной организацией «Агора», в период коронакризиса в России было применено по меньшей мере шесть технологий получения сведений о частной жизни граждан: централизованный сбор информации о лицах, прибывающих в страну, регион или населенный пункт; система цифровых или аналоговых пропусков, позволяющих дифференцировать граждан по объему прав на передвижение; видеонаблюдение с функцией распознавания лиц; отслеживание местонахождения по геолокационным данным, передаваемым мобильными устройствами и следящими приложениями; делегирование полицейских функций частным субъектам и представителям непрофильных ведомств⁷.

Несмотря на очевидную актуализацию проблем надзора, до настоящего времени они практически не привлекали внимания российских ученых. Несколько разрозненных публикаций, посвященных наблюдению в учебных заведениях [Волкова, 2019], на работе [Иншаков, 2020; Королев, 2011], надзору как средству социального контроля [Дудина, 2018; Волочаева, 2014] и обеспечения безопасности [Гуринская, 2014], составляют редкое исключение. Отдельные статьи русскоязычных исследователей, работающих за рубежом, довершают эту крайне фрагментарную картину [Gabdulhakov, 2018; Lokot, 2018; Ermoshina, Musiani, 2017].

Обширная иностранная научная литература о надзоре остается почти неизвестной в России. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить этот пробел.

1. Зарождение и развитие исследований надзора.

Слежка и вопросы конфиденциальности.

Изучение надзора — сравнительно новая междисциплинарная область исследований, зародившаяся в середине XX столетия в англоязычной научной среде. Первые эмпирические работы, в которых анализировалось использование над-

⁵ Система технических средств для обеспечения функций оперативно-разыскных мероприятий.

⁶ Правительство города Москвы. О выполнении Государственной программы города Москвы «Безопасный город» в 2019 г. и задачах на 2020 г. URL: <https://www.mos.ru/drbez/documents/programma-bezopasnyi-gorod/view/237781220/> (дата обращения: 12.02.2021).

⁷ Агора (2020) Пандемия слежки. URL: <https://spy.runet.report/> (дата обращения: 12.02.2021).

зорных технологий, появились уже в начале 1950-х годов [Westin, 1952], однако понадобилось около тридцати лет, чтобы эта тема привлекла внимание большого числа ученых и приобрела самостоятельное значение.

Один из пионеров изучения надзора, американский исследователь Алан Ф. Уэстин, отмечает [Westin, 2003], что первоначально в центре общественных и научных дебатов о слежке находились проблемы конфиденциальности. Он выделяет три этапа развития таких дебатов, сопровождавшихся попытками законодательного регулирования негативного воздействия новых технологий на частную жизнь. Первый этап — это бурная эпоха 1960—1970-х годов, отмеченная борьбой за гражданские права, многочисленными движениями социального протеста, сексуальной революцией и Уотергейтским скандалом. В это время беспокойство по поводу неприкосновенности частной жизни стало быстро расти, способствуя ее превращению из периферийной проблемы в одну из важных тем, стоящих на повестке дня на Западе. Дискурс об угрозе конфиденциальности начал распространяться в средствах массовой информации, вызвав серьезную общественную озабоченность, что побудило США и некоторые европейские страны создать специальные правительственные комиссии по разработке новых стандартов защиты персональных данных⁸.

Второй этап — 1980-е годы — в политическом плане был гораздо более спокойным, чем предыдущее и последующее десятилетие, что позволило А. Ф. Уэстину охарактеризовать его как «относительное затишье перед бурей» [Westin, 2003: 441]. С технологической точки зрения восьмидесятые представляли собой период постепенного повышения производительности компьютеров и телекоммуникационных технологий, которые, впрочем, еще неспособны были кардинально изменить баланс между контролем и конфиденциальностью. В научной сфере в это время наблюдался быстрый рост исследовательского интереса к проблемам надзора и неприкосновенности частной жизни. Гэри Т. Маркс и Гленн У. Мушерт, проанализировавшие статистику использования понятий «надзор» и «конфиденциальность» в академических публикациях с 1950-х по 2000-е годы пришли к выводу, что восьмидесятые можно рассматривать как отправную точку исследовательского бума в области наблюдения [Marx, Muschert, 2007: 376].

Наконец, третий этап — 1990—2000-е годы — это период, когда проблемы надзора и конфиденциальности вышли на первый план в политической повестке дня в США, приобрели глобальные масштабы и были затронуты последствиями теракта 11 сентября. Данный период характеризуется экспоненциальным ростом надзора, вызванным стремительным развитием технологий, широким внедрением беспроводной связи⁹, повсеместным распространением интернета, сопровождающимся рутинизацией операций, совершаемых в сети с высоким уровнем самораскрытия. Немалую роль сыграла и разработка программного обеспечения для интеллектуального анализа больших данных, а также возрастающая конвергенция и автоматизация государственных систем административного учета.

⁸ Подробнее о возникновении, развитии и современном функционировании национальных режимов защиты данных см. [Flaherty, 1988; Cate, Dempsey 2017].

⁹ Подробное исследование развития надзорных технологий, связанных с беспроводной (мобильной) связью, см. [Wicker, 2014].

Развитие новых технологий повлекло за собой возникновение персонального таргетированного маркетинга, пришедшего на смену массовому маркетингу индустриальной эпохи, и разработку масштабных высокотехнологичных программ государственной слежки, таких как RAMPART-A, Stellar Wind и другие.

Активная деятельность бизнеса и государства, связанная со сбором и использованием личной информации граждан в масштабах, которые ранее было сложно даже представить, вызвала серьезное беспокойство со стороны защитников гражданских свобод, журналистов, значительной части аналитиков и широкой общественности. Многочисленные¹⁰ опросы общественного мнения 1990-х годов демонстрировали, что озабоченность населения вопросами конфиденциальности неуклонно возрастает, особенно в США. В 1999 г. опрос, проведенный Louis Harris & Associates, показал, что 94 % американцев опасались возможного неправомерного использования персональной информации, причем 77 % опрошенных были «очень обеспокоены» подобной перспективой [Louis Harris & Associates, 1999]. Эти тревоги не остались незамеченными политическими игроками, немедленно включившими положения о защите избирателей от неправомерной слежки в свои программы. Пиком указанной тенденции стала предвыборная кампания 2000 г. в США, в ходе которой оба кандидата в президенты — Эл Гор и Джордж Буш-младший — объявили о необходимости повышения стандартов защиты данных пользователей интернета, а также медицинской и финансовой конфиденциальности граждан. Этот широкий общественно-политический консенсус рухнул 11 сентября 2001 г.

Сразу после теракта общественное мнение резко качнулось в сторону утверждения о том, что конфиденциальностью следовало пожертвовать ради обеспечения безопасности. В частности, согласно опросам Harris Interactive, в сентябре 2001 г. 93 % американцев поддерживали расширение полицейской деятельности под прикрытием для проникновения в группы, находящиеся под подозрением; 86 % — одобряло использование технологии распознавания лиц для поиска подозреваемых в терроризме в различных местах и на общественных мероприятиях; 63 % — расширение видеонаблюдения на улицах и в общественных местах, мониторинг интернет-дискуссий в чатах и на других форумах; 54 % — расширение правительственного мониторинга сотовых телефонов и электронной почты для перехвата сообщений [Harris Interactive, 2002]. Несмотря на то, что впоследствии поддержка перечисленных мер несколько снизилась [Harris Interactive, 2002, 2003], приоритет безопасности над неприкосновенностью частной жизни продолжал сохраняться даже после громких разоблачений Эдвардом Сноуденом программ правительственного шпионажа в 2013 г. [Harris Interactive, 2014].

Теракт 11 сентября 2001 г. сопровождался не только резкой сменой общественных настроений, но и взрывным ростом надзора по всему миру. Многие страны поспешили ослабить действующие нормы о защите персональных данных, расширив надзорные полномочия спецслужб и полиции. «Война с терроризмом» способствовала быстрому развитию государственно-частного партнерства в области слежки, приведшему к появлению небывалых возможностей правительств

¹⁰ А. Ф. Уэстин насчитал по меньшей мере 120 релевантных опросов в США в период 1990-х годов [Westin, 2003].

по сбору данных как внутри собственных национальных территорий, так и за их пределами [Burke, 2020; Baird, 2016]. На фоне широкой общественной поддержки жестких мер в борьбе с террористической угрозой были снижены не только стандарты конфиденциальности, но и защита основополагающих прав и свобод. Некоторые правительства привлекли команды высококвалифицированных юристов к разработке правовых обоснований для разнообразных отступлений от принятых национальных и международных норм, защищающих граждан от незаконных обысков, арестов, заключений, жестокого обращения и даже убийства. Подобные стратегии были описаны в научной литературе как «правдоподобная законность» и «легальная незаконность» [Sanders, 2018; Austin, 2015].

2. Оформление исследований надзора в отдельную научную область

Быстрый рост интереса к изучению надзора, начавшийся в восьмидесятые годы, продолжился в девяностые и двухтысячные, подогреваемый все возрастающей актуальностью темы, резким скачком в развитии наблюдения и спровоцированными им глобальными социальными изменениями. В конечном итоге изучение надзора выделилось в отдельное научное направление, институционализация которого сопровождалась созданием тематических исследовательских центров, академических сетей и специализированных журналов. Среди наиболее известных: международная Сеть исследований надзора (Surveillance Studies Network, SSN); немецкая Исследовательская сеть по мониторингу, технологиям и обществу (SurveillanceStudies.org); Центр исследований надзора канадского Королевского университета (Surveillance Studies Centre, SSC); шотландский Центр исследований информации, наблюдения и конфиденциальности (Centre for Research into Information, Surveillance and Privacy, CRISP); американский Научный центр исследований надзора (Surveillance Studies Research Center, SSRC); международный научный журнал «Надзор и общество» (Surveillance & Society).

Несмотря на то, что лидирующие позиции в разработке новой научной области сохранялись за англоязычными учеными, исследования надзора вышли далеко за пределы англоязычного научного мира. Опубликованная в мае 2015 г. карта изучения надзора зафиксировала наличие соответствующих научных проектов в университетах и исследовательских центрах США, Великобритании, Франции, Германии, Швейцарии, Италии, Греции, Австрии, Венгрии, Польши, Дании, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Финляндии, Мексики, Бразилии, Нигерии и ЮАР¹¹.

В настоящее время изучение надзора признается самостоятельной междисциплинарной научной областью. Среди ключевых дисциплин, вносящих наибольший вклад в ее развитие, выделяют социологию, политологию, географию, историю и философию. Кроме того, важное значение имеют информатика и вычислительная техника, позволяющие анализировать развитие новых видов современного надзора; юриспруденция, разъясняющая релевантные правовые вопросы; социальная антропология, дающая инструменты для изучения разнообразных способов наблюдения, а также смежные междисциплинарные области исследования, включая анализ потребительского поведения, глобализации, труда, СМИ, социальных движений и т. д. [Lyon, 2002].

¹¹ См.: Mapping Surveillance Studies. 2015. URL: <https://www.surveillance-studies.net/?p=1122> (accessed: 12.02.2021).

3. Определение границ изучения надзора

Область исследований надзора имеет достаточно диффузные границы, что связано с чрезвычайно (по мнению некоторых авторов избыточно) широким определением самого объекта изучения.

Первые определения были разработаны еще в 1980-е годы. Так, в 1983 г. Джеймс Рул, Дуглас Макадам, Линда Стернс и Дэвид Углоу предложили понимать под надзором «любое систематическое внимание к жизни человека, направленное на оказание на нее влияния» [Rule et al., 1983: 223], отмечая при этом, что надзор неразрывно связан с социальным контролем, осуществляемым организациями над большими группами населения. Пять лет спустя Роджер Кларк определил надзор как «систематическое расследование или мониторинг действий или сообщений одного или нескольких лиц» [Clarke, 1988: 499]. Выделив две основные формы надзора — личный¹² и массовый¹³, Р. Кларк утверждал, что большая часть надзорной деятельности осуществляется сотрудниками правительственных учреждений в целях борьбы с различными социальными пороками, но иногда также для дискредитации, шантажа и принуждения. Энтони Гидденс в своей работе «Последствия современности» охарактеризовал надзор как фундаментальный институциональный атрибут всех типов современных организаций, в том числе национального государства, обеспечивающий последнему монополию на легитимное насилие [Giddens, 1990]. Таким образом, ранние дефиниции надзора акцентировали внимание на деятельности государственных и негосударственных организаций, стремящихся оказать воздействие на поведение отдельных лиц, социальных групп или населения в целом. Предполагалось, что надзор осуществляется «сверху вниз» и неразрывно связан с асимметрией власти. Однако уже в 2000 г. эти положения были поставлены под сомнение. Во влиятельной статье Кэвина Д. Хаггерти и Ричарда В. Эриксона «Наблюдательная сборка», доказывалось, что современный надзор характеризуется выравниванием иерархии наблюдения, в процессе которого высокоресурсные группы, ранее освобожденные от рутинного мониторинга, все чаще подвергаются ему наравне со всеми остальными. Кроме того, по утверждению авторов, акцент на государстве, как особом агенте надзора, и на контрольно-управленческих функциях наблюдения не актуален в современном обществе, где все наблюдают за всеми, а надзор может осуществляться в целях получения экономической выгоды или развлечения [Haggerty, Ericson, 2000]. В своей более поздней работе К. Д. Хаггерти также указывал, что большая часть надзора направлена не на людей, а на нечеловеческие явления, и игнорирование данного факта исследователями представляет собой серьезное упущение [Haggerty, 2006]. Перечисленные тезисы стимулировали дальнейшее расширение дефиниций надзора. В 2009 г. Дэвид Лион охарактеризовал надзор как «повседневную практику, в которой люди регулярно, часто бездумно участвуют» [Lyon, 2009: 450], включив в это понятие такие разнородные действия как наблюдение родителей за детьми, работодателей за работниками, охранников за заключенными, полиции за городскими районами. Еще шесть лет спустя, Гэри

¹² Наблюдение за идентифицированным лицом.

¹³ Слежка за большими группами людей.

Т. Маркс предложил рассматривать надзор просто как «сбор данных». Заявив, что определение надзора как иерархического наблюдения или социального контроля является неадекватным, Г. Т. Маркс призвал признать, что сегодня надзор может носить не только вертикальный, но и горизонтальный характер, иметь самые различные объекты, цели и результаты [Marx, 2015].

В настоящий момент расширительное толкование надзора является доминирующим. В результате исследовательское поле невероятно раздвигается, охватывая любые действия по сбору информации, осуществляемые любыми субъектами (людьми, машинами, машинно-людскими комплексами) в отношении любых объектов (человеческих и нечеловеческих) с любыми целями. Подобная «всеядность» исследований надзора вызывает обоснованные сомнения в адекватности определения границ этой научной области. Один из самых ярких противников такого подхода — австрийский социолог, приверженец критической теории Кристиан Фукс отмечает, что всеобъемлющее определение надзора как простого сбора информации стирает различия между надзирателем в концлагере; мобильным приложением, позволяющим родителям присматривать за спящим малышом; электрокардиограммой или системой обнаружения землетрясений. Такое обобщение, по мнению К. Фукса, аналитически бесполезно и нацелено, главным образом, на искусственное раздувание нового исследовательского направления для накопления академических ресурсов [Fuchs, 2015]. Настаивая на том, что этимологически термин «надзор» имеет негативную коннотацию, подразумевая господство, иерархию и насилие, сам К. Фукс определяет надзор как «социальные отношения между людьми, которые включают в себя дисциплинарную власть и используют инструменты для получения знаний об этих людях с целью принуждения и доминирования» [Fuchs, 2011a: 121].

Принимая во внимание, что негативное определение надзора может быть столь же малопригодным для академического исследования, как и чрезмерно инклюзивное, все же нельзя не согласиться с тезисом К. Фукса о необходимости отказа от искусственного объединения разнородных социальных явлений в одну категорию лишь на том основании, что они связаны со сбором информации. Чрезмерное размывание границ исследований надзора, очевидно, не способствует углублению понимания этого явления, заставляя ученых говорить одновременно о массе несвязанных вещей, перечень которых способен разрастаться до бесконечности.

4. Основные направления исследований надзора

В настоящее время существует множество направлений в области изучения надзора. Можно выделить исследования, посвященные государственному надзору, надзору со стороны частных организаций, частно-государственному партнерству в надзорной сфере, наблюдению за наблюдателями или надзору «снизу». В значительном количестве работ анализируется также надзор работодателей за работниками. Кроме того, сравнительно небольшое число исследований сосредоточено на наблюдении частных лиц друг за другом¹⁴.

¹⁴ Далеко не все работы укладываются в эту категоризацию, не претендующую на то, чтобы быть исчерпывающей. В частности, сложно отнести к той или иной из предложенных категорий публикации, посвященные автоматизации надзора и новым надзорным технологиям, большим данным, юридическим или общетеоретическим вопросам.

4.1. Государственный надзор

Несмотря на объявленную частью ученых неактуальность акцента на правительственной слежке, публикации, посвященные государственному надзору, продолжают составлять значительную долю всех работ в рассматриваемой области. Среди них выделяются исследования, посвященные надзору за обществом в целом [Siqueira Cassiano, 2019; Binder, 2017; Bozzini, 2017; Ogasawara, 2017; Bauman et al., 2014; Topal, 2005], государственной слежке за оппозиционными политиками, партиями и движениями [Fonseca, 2017; Hargreaves, 2017; Nagy, 2017; Pearce, 2015], наблюдению за отдельными социальными группами, считающимися «подозрительными» [Alimahomed-Wilson, 2018; Qurashi, 2018; Monaghan, 2014; Wilson, Weber, 2008], полицейскому надзору и надзору специальных служб [Egbert, Leese, 2020; Fussey, Sandhu, 2020; Bigo, Bonelli, 2019; Stan, Zulean, 2018; Shan, McQuade, 2017], надзору в области здравоохранения, образования и социального обеспечения [Liu, Bennett, 2020; Dee, 2013; Maki, 2011; Bryce et al., 2010].

Как правило, исследователи, пишущие о государственном надзоре, разделяют традиционную для этой научной области обеспокоенность угрозой, которую правительственная слежка несет неприкосновенности частной жизни, другим правам и свободам. В работах о государственном надзоре отмечается его скачкообразный рост в современном обществе, международный обмен правительственными надзорными технологиями, усиливающаяся властная асимметрия между управляющими и управляемыми, дискриминация уязвимых социальных групп: этнических, религиозных и расовых меньшинств, бедных, безработных, бездомных и других.

4.2. Коммерческая слежка

Второе большое направление в исследованиях надзора — это изучение коммерческой слежки. Говоря о разработке данного направления, нельзя не упомянуть недавнюю влиятельную работу Шошанны Зубофф «Эпоха надзорного капитализма» [Zuboff, 2019], обобщившую более ранние тезисы о новых технологиях слежки корпораций за потребителями, сформулированные самой Ш. Зубофф [Zuboff, 2015] и другими авторами [см., например, Degli, Esposti, 2014; Andrejevic 2011; Fuchs, 2011b; Palmås, 2011; Petersen, 2008].

Ш. Зубофф датирует зарождение надзорного капитализма¹⁵ 2001—2002 гг., когда разработчики Google изобрели способ монетизации «информационных отходов», содержащих сведения о поведении пользователей в сети. Эти данные, превращенные в сырье для таргетированной рекламы, привели к быстрому обогащению Google и других компаний, последовавших ее примеру (в первую очередь Facebook и Microsoft). Открытие нового способа получения прибыли перевернуло взаимоотношения интернет-корпораций и сообществ, среди которых они действуют. В погоне за получением все новых и новых данных для более точного прогнозирования действий пользователей, корпорации стали прибегать к поведенческим манипуляциям. Ш. Зубофф рассматривает такие стратегии как новый

¹⁵ Надзорный капитализм — новая форма капитализма, «в одностороннем порядке претендующая на человеческий опыт как на свободное сырье для перевода в поведенческие данные. Хотя некоторые из этих данных применяются для улучшения продукта или услуги, остальные объявляются собственностью поведенческого избытка, вводятся в передовые производственные процессы, известные как „машинный интеллект“, и превращаются в продукты прогнозирования, которые предвосхищают то, что вы будете делать сейчас, скоро и позже». [Zuboff, 2019: 8].

вид власти — «инструментализм», направленный на формирование человеческого поведения в интересах третьих сторон. Характеризуя отношение корпораций к населению как «радикальное безразличие», она подчеркивает, что надзорный капитализм ведет к эрозии социальных контрактов, разрушению социального доверия, монополизации знания и власти в руках узкого круга лиц, обладающих исключительным доступом к большим данным.

Другой часто анализируемый аспект коммерческой слежки — ее влияние на квазиобщественные пространства¹⁶ и эффекты исключения, которые она оказывает на тех, кто не рассматривается как потенциальный потребитель [Posrëch, 2013; Doherty et al., 2008; Saetnan, Lomell, Wiecek, 2004].

4.3. Частно-государственное партнерство в области надзора

Многие исследователи наблюдения указывают на то, что границы между частным и государственным надзором размыты. Это обуславливается широко распространенной «политикой вращающихся дверей», взаимозависимостью и взаимной заинтересованностью тех, кто занимает ключевые позиции в экономическом и политическом поле.

После разоблачений Э. Сноудена стало широко известно о сотрудничестве АНБ с Google и Facebook. Изучение частно-государственных надзорных сетей, иногда именуемых «надзорно-промышленным комплексом», показывает, что подобные партнерства быстро развиваются не только в США, но и в других регионах мира, в частности в ЕС и Китае [Burke, 2020; van der Vlist, 2017; Hou, 2017; Baird, 2016].

В фокусе внимания исследователей, анализирующих частно-государственное партнерство в наблюдательной сфере, находится также совместная деятельность бизнеса и государства в области управления городскими пространствами, неотъемлемым элементом которой являются надзорные технологии (особенно видеонаблюдение). Аналитики подчеркивают сопутствующие такой деятельности процессы джентрификации и изгнания из ранее общедоступных пространств маргинальных групп населения [Osborn, Smith, 2015; Mitchell, Heynen, 2009; Coleman, Sim, 2000; Davis, 1995].

В отдельных работах анализируются совместные усилия бизнес-корпораций и государства, направленные на слежку за политическими и общественными активистами [Depret-Guillaume, 2020; Lubbers, 2015]

4.4. Надзор работодателей за работниками

Еще одна большая тема в исследованиях надзора — это надзор работодателей за работниками. Отмечая, что стремление к контролю над сотрудниками всегда было присуще работодателям, ученые указывают на появление в последние годы беспрецедентных возможностей надзора за осуществлением трудовой деятельности, выходящих далеко за рамки рабочей сферы. В перечень надзорных технологий, активно используемых нынешними работодателями, среди прочего входит отслеживание активности сотрудников в интернете, мониторинг нажатия ими кла-

¹⁶ То есть такие пространства, которые юридически являются частными, но, тем не менее, составляют неотъемлемую часть общественного достояния: торговые центры, спортивные площадки, приватизированные транспортные объекты и т. д.

виш, чтение электронной почты, прослушивание телефонных звонков, просмотр социальных сетей, определение местоположения, видеонаблюдение, психометрическое тестирование и биометрические исследования [Rosenblat, Kneese, Boyd, 2014; Ball, 2010; Introna, 2000]. При этом некоторые недавние разработки идут еще дальше, предлагая линейки специальных датчиков, закрепляемых на теле работника для отслеживания всех его движений, и даже микрочипирование сотрудников [Manokha, 2020].

Попытки установления всеобъемлющего контроля над работниками часто характеризуется как «электронный тейлоризм», ведущий к чрезмерной интенсификации работы, росту стресса, снижению творческого потенциала и мотивации, утрате доверия сотрудников к работодателям. Классическим примером, ярко демонстрирующим перечисленные эффекты, являются колл-центры [Bain, Taylor, 2000].

Чрезмерно инвазивный надзор за сотрудниками нарушает их право на неприкосновенность частной жизни, может порождать дискриминацию при приеме на работу, продвижении по службе, повышении заработной платы и увольнении [Ajunwa, Crawford, Schultz, 2017; Bodie et al., 2016; Ball, 2010]. Чрезвычайное расширение надзора за работниками разрушает границы между работой и личной жизнью, работой и домом [Hook, Noakes, 2019; Hedenus, Backman, 2017]. Эта проблема особенно актуализировалась в последнее время с переводом значительной части сотрудников на удаленную работу вследствие пандемии COVID-19 [Blumenfeld, Anderson, Hooper, 2020].

4.5. Сопротивление слежке, контрнаблюдение и надзор «снизу»

Растущая часть публикаций посвящена сопротивлению надзору, контрнаблюдению или так называемому надзору «снизу» (*sousveillance*).

В работах о сопротивлении надзору подчеркивается необходимость критического взгляда на антиутопические концепции, подразумевающие неизбежность тотального наблюдения правительств и корпораций за населением. Предостерегая от того, чтобы рассматривать людей, находящихся под надзором, как безгласных и бессильных, аналитики, разрабатывающие это направление, демонстрируют, что поднадзорные регулярно прибегают к разнообразным стратегиям обхода наблюдения, нередко весьма успешным [Wood, Thompson, 2018; Sanchez, 2009; Martin, Van Brakel, Bernhard, 2009]. В одной из самых цитируемых публикаций о сопротивлении надзору, «Гвоздь в ботинке», Гэри Т. Маркс описывает 11 методов нейтрализации и подрыва наблюдения, характеризуя подобные стратегии как «динамичный состязательный социальный танец, включающий стратегические ходы и контрдвижения, который следует изучать как процесс конфликтного взаимодействия» [Marx, 2003: 388].

Быстрый скачок в развитии надзорных технологий привел к резкому увеличению возможностей не только государственной и корпоративной слежки, но также наблюдения за группами, обладающими большим объемом политического и экономического капитала: политиками, сотрудниками силовых структур, представителями крупного бизнеса и т. д. Прием переворачивания ролей, предполагающий наблюдение за наблюдателями, в научной литературе получил наименование *sousveillance*, т. е. надзор «снизу» [Mann, Nolan, Wellman, 2003]. Изучение этого вида надзора сосредоточено на практиках разнообразных активистов и НКО,

использующих в своей деятельности технологии наблюдения [Topak, 2019; Tréguer, 2015; Walsh, 2010], сетях контрнаблюдателей [Wilson, Serisier, 2010; Introna, Gibbons, 2009], расширении возможностей, а также потенциальных проблемах, которые несет в себе наблюдение «снизу» [Nunes de Sousa, Cervi, 2017; Meyer, Tanner 2017; Hermida, Hernández-Santaolalla, 2016; Dupont, 2008].

4.6. Наблюдение частных лиц друг за другом

Взаимное наблюдение частных лиц также привлекает внимание ученых. На сегодняшний день разработаны, по крайней мере, три концепции для анализа этого явления: латеральный надзор (lateral surveillance); партисипативный надзор (participatory surveillance) и межличностное наблюдение (interveillance).

Наиболее известна первая концепция, предложенная Марком Андреевичем в 2005 г. Латеральный надзор определяется им как «использование инструментов наблюдения отдельными лицами, а не агентами государственных или частных учреждений, для слежки друг за другом, которая охватывает три основные категории (но не ограничивается ими): романтические партнеры, семья и друзья или знакомые» [Andrejevic 2004: 488]. Данный вид надзора включает в себя несколько уровней мониторинга — от небрежного просмотра открытой информации о новом знакомом в сети до покупки программного обеспечения для мониторинга поведения в интернете, камер наблюдения или даже портативных детекторов лжи. М. Андреевич рассматривает латеральный надзор как результат тиражирования государственного и корпоративного надзора через одноранговые сети мониторинга, в ходе которого методы слежки, ранее доступные только правительству и крупному бизнесу, проникают в частные дома, приглашая всех шпионить за всеми ради «собственного блага». В ряде последующих работ были отдельно проанализированы целенаправленные программы вовлечения населения в повседневную слежку, представляющие собой нечто вроде краудсорсинга полицейских функций [Nguyen, 2019; Larsson, 2016; Tewksbury, 2012].

Вторая, более оптимистичная концепция была предложена Андерсом Альбрехтслундом в 2008 г. Сосредоточившись на изучении взаимного наблюдения пользователей социальных сетей, он назвал его «партисипативным надзором», утверждая, что этот вид надзора представляет собой практики обмена информацией, ведущие к расширению прав и возможностей участников, поддержанию дружеских связей и даже обретению смысла жизни [Albrechtslund, 2008].

Концепция межличностного наблюдения была разработана Андре Дженссоном в 2015 г. и также предназначена для описания повседневного взаимного мониторинга пользователей при помощи сетевых медиатехнологий. Отмечая, что широкое распространение социальных медиа произвело революцию в классической модели надзора «сверху вниз», и что в текущее время подавляющая часть процессов социального мониторинга носит неиерархический и несистематический характер, А. Дженссон предлагает отделить собственно надзор от межличностного наблюдения. Объединение этих явлений может привести к размыванию классического понимания надзора, неверной идентификации и упрощенному пониманию горизонтального социального мониторинга, имеющего важные отличительные особенности в целях, режимах практик и властных отношениях [Jansson, 2015].

4.7. Исследования надзора и расового профилирования

В завершение краткого описания основных направлений исследования надзора следует обратить внимание на одно любопытное обстоятельство: несмотря на уже упоминавшуюся тематическую «всеядность» и междисциплинарность данной научной области, она практически никогда не приходит в соприкосновение с изучением расового профилирования¹⁷ (подробный обзор исследований по этой тематике см. [Григорьева, 2019]). Несмотря на то, что расовое профилирование, очевидно, является составной частью объекта надзорных исследований, работы специалистов из двух указанных областей, как правило, не содержат обоюдных ссылок и практически полностью игнорируют друг друга. Вероятно, это объясняется традиционным представлением о том, что изучение расового профилирования принадлежит к сфере исследования правоохранительных органов и системы уголовного правосудия [Engel, Calnon, Bernard, 2004]. Данное убеждение, однако, зачастую приводит к ошибочному рассмотрению расового профилирования как простой дисфункции правоохранительной системы (см., например, [Colman, Gorman, 1982; Twersky-Glasner, 2005; Gatto et al., 2009; Lynch, 2018], которой оно, безусловно, не является. Углубленный анализ показывает, что, по крайней мере, часть практик расового профилирования институционализована, а участие в нем принимают не только силовые структуры, но и «непрофильные» государственные и негосударственные учреждения [Григорьева, 2020].

Чрезмерная сосредоточенность на работе полиции мешает увидеть глубокую интеграцию расового профилирования в более крупные надзорные системы, а традиционное использование аналитиками этнографического наблюдения за работой полицейских и статистических данных о проводимых ими остановках и проверках, рождает практически неразрешимые методологические сложности. Наибольшую известность получила так называемая проблема знаменателя — бесплодные попытки установить, являются ли выявленные процентные соотношения в полицейских остановках и обысках граждан разных рас адекватными ожидаемым или какая-то из групп необоснованно перепредставлена [MVA, Miller, 2000; Walker, 2001; Lamberth, 2004]. Помещение расового профилирования в более широкий контекст исследований надзора, очевидно, позволило бы обогатить теоретические представления и методологические подходы к изучению надзора за расовыми и этническими меньшинствами, дало бы новый импульс развитию этого направления.

Таким образом, если с упоминавшимся выше предложением А. Дженссона о разграничении надзора и межличностного наблюдения стоило бы согласиться, то искусственную границу между исследованиями надзора и расового профилирования следовало бы устранить.

¹⁷ Расовое профилирование — использование правоохранительными органами без объективных и разумных оснований таких признаков, как раса, цвет кожи, язык, религия, гражданство или национальное или этническое происхождение при контроле, слежении или проведении расследований. См.: Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью. Общеполитическая рекомендация. № 11 «О борьбе с расизмом и расовой дискриминацией в работе правоохранительных органов» // Сборник общеполитических рекомендаций ЕКПН. С. 123—152. URL: <https://rm.coe.int/compilation-of-ecri-s-general-policy-recommendations-march-2018-russia/1680923e0a> (дата обращения: 18.12.2021).

5. Теоретические подходы к изучению надзора

На теоретическое осмысление надзора огромное воздействие оказали работы Мишеля Фуко. Метафора паноптикона¹⁸, позаимствованная им у Иеремии Бентама, стала доминирующей научной моделью, распространившись в таком количестве публикаций, что некоторые ведущие исследователи надзора сочли это угнетающим [Haggerty, 2006] и чрезмерным [Lyon, 2009]. Как пишет К. Д. Хаггерти «паноптическая модель стала овеществленной, направляя внимание ученых на избранное подмножество атрибутов наблюдения. При этом аналитики исключили или пренебрегли массой других ключевых качеств и процессов надзора, которые выходят за паноптические рамки. В результате паноптическая модель была чрезмерно расширена в областях, где она кажется неподходящей, и важные атрибуты наблюдения, которые не могут быть аккуратно отнесены к категории „паноптических“, были проигнорированы» [Haggerty, 2006: 23]. Среди характеристик современного надзора, не укладывающихся в концепцию М. Фуко, К. Д. Хаггерти называет появление новых целей наблюдения, выходящих за пределы паноптических функций, в частности, потребление и развлечение. Кроме того, хотя паноптическая модель предполагает, что наблюдение осуществляется «сверху вниз» над слабыми низкоресурсными группами, на текущий момент видимость «сильных мира сего» существенно повысилась, как и возможности наблюдения «снизу». Изменение претерпевают также агенты наблюдения и способы надзора: надзирателей, проводящих прямое визуальное наблюдение, все больше вытесняют датчики, спутники, биометрические приборы и т. д. К тому же, в отличие от модели М. Фуко, ключевым элементом которой является осознание индивидом своей видимости, приводящее к развитию самодисциплины, значительная часть сегодняшнего наблюдения осуществляется без ведома поднадзорных, а следовательно, не может быть осмыслена в паноптических терминах. Другие критики концепции М. Фуко добавляют к этому неприменимость замкнутой паноптической модели к анализу надзора, осуществляемого на открытых пространствах (например, на улицах города), а также игнорирование бюрократических досье и баз данных, представляющих собой не менее важную политическую технологию, чем паноптикон [Wood, 2012]. Наконец, провозглашенная Жилем Делёзом смерть «дисциплинарного общества» и рождение «общества контроля» [Deleuse, 1992], наряду с утверждением Зигмунда Баумана о том, что идея дисциплинирования «опасных классов» себя изжила и была заменена стремлением к их изоляции [Bauman, 2000], предполагают непригодность паноптической модели для анализа современных систем наблюдения.

¹⁸ Паноптикон — проект идеальной тюрьмы, разработанный английским философом Иеремией Бентамом в конце XVIII века и предполагающий установление специфического дисциплинарного надзора за заключенными при помощи оригинального архитектурного решения. Паноптикон представлял собой кольцеобразное здание, разделенное на камеры. В его центре должна была находиться смотровая башня. В каждой камере предусматривалось два окна: одно, выходящее внутрь, на башню, и другое — наружу. Через эти окна камеру из башни можно было просматривать насквозь. Камеры были спроектированы таким образом, что заключенные не могли видеть ни друг друга, ни надзирателя, в то время как последний был способен видеть каждого заключенного в любой момент. Осознавая свою постоянную видимость, заключенные предположительно должны были вести себя дисциплинированно, вне зависимости от того, смотрел на них надзиратель в действительности или нет. М. Фуко рассматривал «паноптизм» как новый социальный механизм надзора, благодаря которому возникло дисциплинарное общество. Власть в нем автоматизировалась и лишалась индивидуальности, становясь одновременно видимой и недоступной для проверки, постоянно поддерживая асимметрию, освобождаясь от необходимости прибегать к насильственным мерам, опираясь на вымышленные отношения, в которых поднадзорный фактически дисциплинировал себя сам [Фуко, 1999].

Указывая, что ссылки на паноптикон зачастую являются лишь чем-то вроде клише и не ведут к углублению понимания надзора, некоторые исследователи предлагают выйти за пределы паноптической метафоры. Существует по крайней мере три теоретических подхода, позиционирующих себя как постфукодианские концепции.

5.1. Концепция К. Д. Хаггерти и Р. В. Эриксона

Подход, развиваемый К. Д. Хаггерти и Р. В. Эриксоном, опирается на работы Жюль Делёза и Феликса Гваттари, используя введенное ими понятие сборки (ассамбляжа), метафоры ризомы, корней и побегов [Deleuze, Guattari, 1980]. Утверждая, что в современном мире происходит интеграция ранее не связанных между собой наблюдательных систем, К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксон доказывают, что сегодня можно говорить о становлении наблюдательной совокупности (сборки), переживающей процесс выравнивания иерархии, в ходе которого влиятельные группы подлежат надзору наравне с другими. Понятия «сборка» и «ризома»¹⁹ используются для того, чтобы децентрализовать концепцию надзора, ранее сосредоточенную на особой роли государственных структур как главных источников наблюдения. Рассматриваемый с такого ракурса надзор распадается на бесконечное множество разнородных субъектов наблюдения, объединяемых только тем, что они работают в одном направлении. Эта разнородность препятствует осуществлению традиционных политических стратегий, направленных на ограничение роста слежки. Многочисленные связи между мириадами технологий и практик наблюдения, — подчеркивают К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксон, делают борьбу с конкретными особенно неприятными видами надзора похожей на «попытки удержать океанский прилив с помощью метлы, в то время как общая волна слежки захлестывает всех» [Haggerty, Ericson, 2000: 609].

Целостность в концепции К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксона теряют и тела наблюдаемых, в которых надзиратели видят совокупность, состоящую из массы элементов, подлежащих изучению. В ходе наблюдения осуществляется визуализация процессов, связанных с телом, но выходящих за пределы обычного восприятия (примером могут служить фитнес-трекеры, измеряющие давление, пульс, количество потребленных калорий, качество сна и т. д.). Потоки информации, исходящие из тела или циркулирующие внутри него, разбиваются на отдельные части, каталогизируются и внимательно анализируются. В конечном итоге тело преобразуется в чистую информацию, с которой можно производить разнообразные манипуляции в специализированных вычислительных центрах (таких как статистические учреждения, полицейские участки, финансовые организации, военные штабы) с целью разработки эффективных стратегий управления, торговли или контроля. Преобразованное в информацию тело превращается в «двойника данных», якобы отсылающего к конкретному индивиду, но на самом деле выходящего далеко за рамки простой репрезентации. Дифференцируясь в зависимости от своей полезности, «двойники данных» позволяют институтам проводить различия между популяциями. При этом большинство усилий наблюдателей, по мне-

¹⁹ Корневище, из которого подобно сорнякам произрастают все новые и новые практики наблюдения.

нию К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксона, обусловлено коммерческими императивами, а дисциплинарная направленность надзора, подчеркиваемая М. Фуко, в настоящее время оказывается вытеснена стремлением к управлению потребительским поведением. Перестает быть актуальным и утверждение об иерархизированной природе надзора, поскольку все современные институты подвергают своих членов бюрократическому наблюдению. И если низшие классы могут чаще находиться под надзором учреждений, оказывающих социальную помощь или осуществляющих уголовное правосудие, средний и высший классы так же интенсивно отслеживаются организациями, в контакт с которыми они вступают. Вообще, интенсивность надзора зависит от частоты взаимодействия с организациями: чем она больше, тем надзор сильнее. В совокупности все это приводит к явлению, которое К. Д. Харрегги и Р. В. Эриксон называют «исчезновением исчезновения», имея в виду, что индивидам становится все сложнее сохранять анонимность и избегать контроля со стороны социальных институтов.

5.2. Акторно-сетевой подход

Альтернативный подход к осмыслению надзора выдвинул Дэвидом Мураками Вудом и Кирсти Болл, которые предложили использовать акторно-сетевую теорию, разработанную Бруно Латуром, Мишелем Каллоном и Джоном Ло. В рамках данной теории социальный мир рассматривается как переплетение человеческих и нечеловеческих акторов [Латур, 2014], что позволяет взглянуть на машинные и технологические комплексы, с помощью которых осуществляется наблюдение, как на отдельные действующие лица со своей собственной логикой функционирования. По словам Д. М. Вуда акторно-сетевая теория — наиболее подходящий теоретический инструмент для переосмысления сердцевины фукодианского подхода: его понимания власти. Отнимая у власти значение заданного (предварительного) условия и характеристику чего-то исключительно «человеческого», приверженцы акторно-сетевой теории рассматривают существующие властные отношения как результат сложных взаимодействий между человеком и нечеловеком [Wood, 2012].

Путешествуя, совершая покупки, получая услуги, люди вынуждены подчиняться технологиям наблюдения, — замечает К. Болл. Это подчинение отражает властные отношения и совпадает с социальными ролями, исполняемыми людьми: потребителей, служащих, граждан, членов социальных и семейных групп. Наблюдательный процесс, участниками которого являются люди и технологии, по мнению К. Болл, можно разбить на четыре связанных элемента: репрезентацию, смысл, манипуляцию и посредничество. Первый элемент подразумевает, что надзорные технологии обладают способностью «репрезентировать» поднадзорных (например, записывая их на камеру или «извлекая» из них необходимые данные). Однако, репрезентации, производимые технологиями, лишены содержания до тех пор, пока социальные акторы не придадут им определенный смысл (второй элемент). Социальную природу имеют также манипуляции с технологиями наблюдения и полученными данными (третий элемент), нацеленные на построение связной и выгодной для своего создателя версии о том, зачем используется наблюдение и что «на самом деле» делают поднадзорные. Причем версии наблюдателей и наблюдаемых могут

радикально расходятся. Кроме того, в ходе осуществления надзора большое значение приобретает посредничество (четвертый элемент). К. Болл характеризует его как «социально-технический процесс, который связывает (или разъединяет) отдельных акторов или институты» [Ball, 2002: 584]. Посредниками могут выступать участвующие в надзоре люди, организации, вещи (к примеру, следящие устройства), и, в более широком смысле, любые объекты, которые помогают наладить необходимые связи (в т. ч. СМИ, пропагандирующие или оспаривающие необходимость расширения надзора; финансовые потоки; общепринятые представления). В результате установления этих связей люди, организации и технологии начинают действовать согласованно, осуществляя наблюдение во имя необходимости, защиты, получения новых знаний или прибыли. Рассмотрение надзора как согласованного, но изменчивого процесса, протекающего в техно-социальных сетях, утверждает К. Болл, позволяет отойти от паноптических и техноцентрических концепций, сосредоточившись на более прикладных структурах, анализ которых необходим для понимания функционирования и расширения наблюдения [Ball, 2002].

5.3. Надзор как социальная сортировка

Еще один теоретический подход предложен Дэвидом Лионом, рассматривающим надзор как социальную сортировку. Его ключевой тезис состоит в том, что обычно надзор ведется не за всем населением в целом, как часто предполагают последователи фукодианской концепции, а за отдельными «целевыми» лицами и группами. В современном мире, — пишет Д. Лион, — где классификация приобрела решающее значение в самых разных сферах от медицины до военного дела, свое идеальное воплощение она нашла в компьютерных технологиях. Высокотехнологичный надзор, применяющийся как в области маркетинга, так и в сфере обеспечения безопасности, позволяет выявлять и изолировать те категории населения, которые представляют интерес для соответствующих организаций. Собирая данные о потребителях, маркетологи получают возможность планировать и таргетировать свои рекламные кампании с возрастающей точностью. Представители силовых структур используют профилирование в надежде выявить людей и группы «склонные» к преступному поведению, чтобы установить за ними слежку и предотвратить противоправную деятельность. Эти ориентированные на будущее стратегии, как подчеркивает Д. Лион, контрастируют с более традиционными реактивными видами маркетинга и обеспечения безопасности. Несмотря на то, что сортировка является древней и, возможно, неизбежной человеческой деятельностью, сегодня она превращается в рутину, приобретает систематический и автоматизированный характер. Но чем больше новых технологий будет задействовано, тем менее прозрачными для общества будут становиться критерии сортировки. Таким образом, — подытоживает Д. Лион, — основные опасения, связанные с автоматизированным надзором, заключаются в том, что с помощью относительно непрозрачных средств организации выносят вердикты, напрямую влияющие на жизнь тех, чьи данные они обрабатывают. Подобная деятельность может порождать новые формы исключения и способствовать углублению социального неравенства [Lyon, 2009].

5.4. Грядет ли смена парадигмы?

Несмотря на призывы к смене парадигмы в изучении надзора, паноптическая модель М. Фуко продолжает доминировать, а перечисленные постфукодианские концепции, как и более крупные теоретические подходы, применяющиеся в некоторых работах (в т. ч. неомарксизм, структуралистский конструктивизм Пьера Бурдьё, гиперреализм Жана Бодрийяра и другие) остаются значительно менее востребованными. Вероятно, в ближайшее время ни одна из представленных концепций не сможет поколебать лидерство М. Фуко. Наиболее рациональной здесь представляется позиция К. Д. Хаггерти, поставившего под сомнение необходимость и желательность разработки очередной модели для всеобъемлющего анализа надзора, поскольку это явление слишком многогранно, чтобы те или иные утверждения о нем могли быть признаны верными во всех или даже в большинстве случаев [Haggerty, 2006]. Гораздо более продуктивным был бы отказ от создания общей теории надзора и рассмотрение его как объекта исследования, который необходимо анализировать с учетом конкретного исторического и географического контекста при помощи самых разнообразных теоретических и методологических инструментов.

Выводы

На сегодняшний день изучение надзора представляет собой обширную междисциплинарную научную область, имеющую развитую инфраструктуру исследовательских центров и внушительные академические сети. Несмотря на то, что ключевые позиции в данной области сохраняют за собой англоязычные ученые, исследования надзора давно вышли за пределы англоязычного научного сообщества. Десятки исследовательских проектов, посвященных слежке, осуществляются в самых разных странах мира. Стремительное развитие технологий наблюдения, их быстрое распространение и мощное воздействие, которое они оказывают на социальные отношения, позволяет предположить, что в дальнейшем актуальность исследований надзора будет только расти.

Несмотря на почти семидесятилетнюю историю изучения надзора, до настоящего времени не выработано его консенсусного определения. На данный момент доминируют чрезмерно инклюзивные дефиниции, расширяющие надзор до необозримых пределов. Вместе с тем, такое направление, как изучение расового профилирования, которое, казалось бы, должно составлять органическую часть исследований надзора, искусственно вынесено за границу этой научной области.

В теоретическом осмыслении надзора продолжает доминировать паноптическая модель М. Фуко, хотя в последнее время нарастают критические голоса и раздаются все более настойчивые призывы выйти за ее пределы. Можно предположить, что будущее не за созданием новой общей теории надзора, а за тщательным исследованием его разнообразных форм при помощи различных концепций и методологических инструментов.

Список литературы (References)

Волкова С. В. Современные дисциплинарные техники в образовании: проблемы и перспективы // Человек. Культура. Образование. 2019. № 1. С. 6—18. URL: <http://pce.syktso.ru/publ.aspx?id=73> (дата обращения: 18.12.2021).

Volkova S. V. (2019) Modern Disciplinary Techniques in Education: Problems and Prospects. *Human. Culture. Education*. No. 1. P. 6—18. URL: <http://pce.syktso.ru/publ.aspx?id=73> (accessed: 18.12.2021).

Волочаева О. Ф. Массовое наблюдение как неотъемлемая часть развития информационного общества // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 13. С. 69—75.

Volochaeva O. F. (2014) Mass Surveillance as an Integral Part of the Development of the Information Society. *New Word in Science and Practice: Hypotheses and Approbation of Research Results*. No. 13. P. 69—75.

Григорьева К. С. Расовое профилирование. История и современное состояние исследований // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 104—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10429>.

Grigoryeva K. S. (2019) Racial Profiling: The History and Current State of Research. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 104—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10429>.

Григорьева К. Этнически избирательный контроль: дисфункция правоохранительной системы или социальный институт? // The Journal of Social Policy Studies. 2020. Т. 18. № 2. С. 299—312. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-299-312>.

Grigor'eva K. (2020) Racial Discrimination in Policing: Dysfunction in the Law Enforcement System or a Social Institution? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 18. No. 2. P. 299—312. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-299-312>.

Гуринская А. Л. Надзор как средство обеспечения безопасности: от пространства тюрьмы до киберпространства // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2. С. 86—93.

Gurinskaya A. L. (2014) Surveillance as a Security Measure: from Prison to Cyberspace. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. No. 2. P. 86—93.

Дудина В. И. От паноптикона к панспектрону: цифровые данные и трансформация режимов наблюдения // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 17—26. <https://doi.org/10.31857/S013216250002782-3>.

Dudina V. I. From Panopticon to Panspectron: Digital Data and Transformation of Surveillance Regimes. *Sociological Studies*. No. 11. P. 17—26. <https://doi.org/10.31857/S013216250002782-3>.

Иншаков И. А. Дисциплинарная и биополитическая власть как практики управления трудом в современных российских компаниях сектора нематериального производства // Социология власти. 2020. Т. 32. № 1. С. 89—119. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-89-119>.

Inshakov I. A. (2020) Disciplinary and Biopolitical Power as Practices of Labor Management in Contemporary Russian Companies of Immaterial Production. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 1. P. 89—119. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-89-119>.

Королев С. А. Постсоветская фирма как микросоциум власти // Россия и современный мир. 2011. № 3. С. 69—84. URL: http://rossovmir.ru/files/3_2011.pdf (дата обращения: 18.12.2021).

Korolev S. A. (2011) Post-Soviet Firm as a Microsociety of Power. *Russia and the Contemporary World*. No. 3. P. 69—84. URL: http://rossovmir.ru/files/3_2011.pdf (accessed: 18.12.2021).

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
Latour B. (2014) *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE University Publishing House.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.
Foucault M. (1999) *Surveiller et punir: Naissance de la Prison*/ ed. by I. Borisova. Moscow: Ad Marginem.

Ajunwa I., Crawford K., Schultz J. (2017) Limitless Worker Surveillance. *California Law Review*. Vol. 105. No. 3. P. 735—776.

Albrechtslund A. (2008). Online Social Networking as Participatory Surveillance. *First Monday*. Vol. 13. No. 3. <https://doi.org/10.5210/fm.v13i3.2142>.

Alimahomed-Wilson S. (2018) When the FBI Knocks: Racialized State Surveillance of Muslims. *Critical Sociology*. Vol. 45. No. 6. P. 871—887. <https://doi.org/10.1177/0896920517750742>.

Andrejevic M. (2004) The Work of Watching One Another: Lateral Surveillance, Risk, and Governance. *Surveillance & Society*. Vol. 2. No. 4. P. 479—497. <https://doi.org/10.24908/ss.v2i4.3359>.

Andrejevic M. (2011). Surveillance and Alienation in the Online Economy. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 3. P. 278—287. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i3.4164>.

Austin L. M. (2015) Lawful Illegality: What Snowden Has Taught us About the Legal Infrastructure of the Surveillance State. *SSRN Electronic Journal*. (April 2014). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2524653>.

Bain P., Taylor P. (2000) Entrapped by the 'Electronic Panopticon'? Worker Resistance in the Call Centre. *New Technology, Work and Employment*. Vol. 15. No. 1. P. 2—18. <https://doi.org/10.1111/1468-005x.00061>.

Baird T. (2016) Surveillance Design Communities in Europe: A Network Analysis. *Surveillance & Society*. Vol. 14. № 1. P. 34—58. <https://doi.org/10.24908/ss.v14i1.5622>.

Ball K. (2002) Elements of Surveillance: A New Framework and Future Direction. *Information, Communication and Society*. Vol. 5. No. 4. P. 573—590. <https://doi.org/10.1080/13691180208538807>.

Ball K. (2010) Workplace Surveillance: An Overview. *Labor History*. Vol. 51. No. 1. P. 87—106. <https://doi.org/10.1080/00236561003654776>.

Bauman Z. (2000) Social Issues of Law and Order. *The British Journal of Criminology*. Vol. 40. No. 2. P. 205—221. URL: <https://www.jstor.org/stable/23638474?refreqid=excelsior%3A8abc041ef357895344ee15545947736a> (accessed:19.12.2021).

- Bauman Z., Bigo D., Esteves P., Guild E., Jabri V., Lyon D., Walker R. B. J. (2014) After Snowden: Rethinking the Impact of Surveillance. *International Political Sociology*. Vol. 8. No. 2. P. 121—144. <https://doi.org/10.1111/ips.12048>.
- Bigo D., Bonelli L. (2019) “Nous ne sommes pas un Big Brother!”. *Cultures & Conflits*. No. 114—115. P. 199—226. <https://doi.org/10.4000/conflits.21180>.
- Binder C. (2017) Metternich 2.0.? Surveillance and Panopticism as Modes of Authoritarian Governmentality in Austria. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 397—403. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6650>.
- Blumenfeld S., Anderson G., Hoopé V. (2020) COVID-19 and Employee Surveillance. *New Zealand Journal of Employment Relations*. Vol. 45. No. 2. P. 42—56. <https://doi.org/10.24135/nzjer.v45i2.28>.
- Bodie M. T., Cherry M. A., McCormick M. L., Tang J. (2016) The Law and Policy of People Analytics. *University of Colorado Law Review*. URL: <https://ssrn.com/abstract=2769980> (accessed: 12.02.2021).
- Bozzini D. (2017) The Fines and the Spies: Fears of State Surveillance in Eritrea and in the Diaspora. *Social Analysis*. Vol. 59. No. 4. P. 32—49.
- Bryce T. G. K., Nellis M., Corrigan A., Gallagher H., Lee P., Sercombe H. (2010) Biometric Surveillance in Schools: Cause for Concern or Case for Curriculum? *Scottish Educational Review*. Vol. 42. No. 1. P. 3—22.
- Burke C. (2020) Digital Sousveillance: A Network Analysis of the US Surveillant Assemblage. *Surveillance & Society*. Vol. 18. No. 1. P. 74—89. <https://doi.org/10.24908/ss.v18i1.12714>.
- Cate F. H., Dempsey J. X. (eds.) (2017) *Bulk Collection: Systematic Government Access to Private-Sector Data*. New York: Oxford University Press.
- Clarke R. A. (1988) Information Technology and Dataveillance. *Communications of the ACM*. Vol. 31. No. 5. P. 498—512. [https://doi.org/10.1016/0167-4048\(88\)90649-9](https://doi.org/10.1016/0167-4048(88)90649-9).
- Coleman R., Sim J. (2000) “You’ll Never Walk Alone”: Cctv Surveillance, Order and Neo-Liberal Rule in Liverpool City Centre. *British Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 4. P. 623—639. <https://doi.org/10.1080/00071310020015299>.
- Colman A. M., Gorman, L. P. (1982) Conservatism, Dogmatism, and Authoritarianism in British Police Officers. *Sociology*. Vol. 16. No. 4. P. 1—11. <https://doi.org/10.1177/0038038582016001004>.
- Davis M. (1995) Fortress Los-Angeles: The Militarization of Urban Space. In: George D., Trimbur J. (eds.) *Reading Culture*. Boston: Longman. P. 154—180.
- Dee M. (2013) Welfare Surveillance, Income Management and New Paternalism in Australia. *Surveillance & Society*. Vol. 11. No. 3. P. 272—286. <https://doi.org/10.24908/ss.v11i3.4540>.

- Degli Esposti S. (2014) When big data meets dataveillance: The hidden side of analytics. *Surveillance & Society*. Vol. 12. No. 2. P. 209—225. <https://doi.org/10.24908/ss.v12i2.5113>.
- Deleuze G. (1992) Postscript on the Societies of Control. *October*. Vol. 59. P. 3—7. URL: <https://www.jstor.org/stable/778828> (accessed: 14.12.2021).
- Deleuze, G. Guattari F. (1980) *Capitalisme et schizophrénie. Mille plateaux*. Paris: Les éditions de minuit.
- Depret-Guillaume P. (2020) Government and Corporate Surveillance of Leftist Activists [preprint]. URL: https://www.researchgate.net/publication/347524006_Government_and_Corporate_Surveillance_of_Leftist_Activists (accessed: 12.02.2021).
- Doherty J., Busch-Geertsema V., Karpuskiene V., Korhonen J., O'Sullivan E., Sahlin I., Tosi A., Petrillo A., Wygnańska J. (2008) Homelessness and Exclusion: Regulating Public Space in European Cities. *Surveillance & Society*. Vol. 5. No. 3. P. 290—314. <https://doi.org/10.24908/ss.v5i3.3425>.
- Dupont B. (2008) Hacking the Panopticon: Distributed Online Surveillance and Resistance. *Surveillance and Governance: Sociology of Crime Law and Deviance*. Vol. 10. P. 259—280. [https://doi.org/10.1016/s1521-6136\(07\)00212-6](https://doi.org/10.1016/s1521-6136(07)00212-6).
- Egbert S., Leese M. (2020) *Criminal Futures: Predictive Policing and Everyday Police Work*. London: Routledge.
- Engel R. S. (2008). A Critique of the “Outcome Test” in Racial Profiling Research. *Justice Quarterly*. Vol. 25. No. 1. P. 1—36. <https://doi.org/10.1080/07418820701717177>.
- Engel R. S., Calnon J. M., Bernard T.J. (2004). Theory and Racial Profiling: Shortcomings and Future Directions in Research. *Justice Quarterly*. Vol. 19. No. 2. P. 249—273. <https://doi.org/10.1080/07418820200095231>.
- Ermoshina K., Musiani F. (2017) Migrating Servers, Elusive Users: Reconfigurations of the Russian Internet in the Post-Snowden Era. *Media and Communication*. Vol.5 № 1. P. 42—53. <https://doi.org/10.17645/mac.v5i1.816>.
- Flaherty D. H. (1988) The Emergence of Surveillance Societies in the Western World: Toward the Year 2000. *Government Information Quarterly*. Vol. 5. No. 4. P. 377—387. [https://doi.org/10.1016/0740-624x\(88\)90026-3](https://doi.org/10.1016/0740-624x(88)90026-3).
- Fonseca J. B. (2017) The Authoritarian Government of Angola learning High — Tech Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 371—380. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6641>.
- Fuchs C. (2011a) How Can Surveillance Be Defined? *MATRIZES*. Vol. 5. No. 1. P. 109—133.
- Fuchs C. (2011b). Web 2.0, Prosumption, and Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 3. P. 288—309. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i3.4165>.

Fuchs C. (2015) Surveillance and Critical Theory. *Media and Communication*. Vol. 3. No. 2. P. 6—9.

Fussey P., Sandhu A. (2020) Surveillance Arbitration in the Era of Digital Policing. *Theoretical Criminology*. P. 1—20. <https://doi.org/10.1177/1362480620967020>.

Gabdulhakov R. (2018) Citizen-Led Justice in Post-Communist Russia: From Comrades' Courts to Dotcomrade Vigilantism. *Surveillance & Society*. Vol. 16. No. 3. P. 314—331. <https://doi.org/10.24908/ss.v16i3.6952>.

Gatto J., Dambrun M., Kerbrat C., de Oliveira P. (2009) Prejudice in the police: On the processes underlying the effects of selection and group socialization. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 40. No. 2. P. 252—269. <https://doi.org/10.1002/ejsp.617>.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.

Haggerty K. D. (2006) Tear Down the Walls on Demolishing the Panopticon. In: Lyon D. (ed.) *Theorising Surveillance: The panopticon and beyond*. Uffculme, Devon: Willan Publishing. P. 23—45.

Haggerty K. D., Ericson R. V. (2000) The Surveillant Assemblage. *British Journal of Sociology*. Vol. 51. No. 4. P. 605—622.

Hargreaves Stuart. 2017. Online Monitoring of 'Localists' in Hong Kong: A Return to Political Policing? *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 425—431. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6619>.

Harris Interactive (2002) The Harris Poll #16. URL: <https://theharrispoll.com/homeland-security-public-continues-to-endorse-a-broad-range-of-surveillance-powers-but-support-has-declined-somewhat-since-last-september-09-04-2002/> (accessed: 12.02.2021).

Harris Interactive (2003) The Harris Poll #14. URL: https://theharrispoll.com/wp-content/uploads/2017/12/Harris-Interactive-Poll-Research-American-Public-Continues-to-Endorse-a-Broad-Range-2003-03.pdf?fbclid=IwAR3ueWisnVvkz2luxs0xfKquQTmrbkj8Mkwb25_2wG5yhnSygTpi77vw5QY (accessed: 12.02.2021).

Harris Interactive (2014) Americans Favor Safety Over Privacy, Though Majority Recognize Need for Balance. URL: <https://theharrispoll.com/the-right-to-privacy-or-lack-thereof-and-the-protection-from-unreasonable-searches-have-been-under-increased-discussion-over-the-past-year-triggered-in-part-by-revelations-of-wide-spread-nsa-surve-2/> (accessed: 12.02.2021).

Hedenus A., Backman C. (2017) Explaining the Data Double: Confessions and Self-Examinations in Job Recruitments. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 640—654. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i5.6380>.

Hermida A., Hernández-Santaolalla V. (2016) Ambiguities of Citizen Empowerment in the Techno-Political Context. *IC — Revista Científica de Información y Comunicación*. Vol. 13. P. 263—280.

Hook S., Noakes S. (2019) Employer Control of Employee Behaviour Through Social Media. *Law, Technology and Humans*. Vol. 1. No. 1. P. 141—161. <https://doi.org/10.5204/lthj.v1i0.1302>.

Hou R. (2017). Neoliberal Governance or Digitalized Autocracy? The Rising Market for Online Opinion Surveillance in China. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 418—424. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6610>.

Introna L. (2000) Workplace Surveillance, Privacy, and Distributive Justice. *Computers and Society*. Vol. 30. No. 4 P. 33—39. <https://doi.org/10.1145/572260.572267>.

Introna L., Gibbons. A. (2009) Networks and Resistance: Investigating Online Advocacy Networks as a Modality for Resisting State Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 6. No. 3. P. 233—258. <https://doi.org/10.24908/ss.v6i3.3283>.

Jansson A. 2015 Interveillance: A New Culture of Recognition and Mediatization. *Media and Communication*. Vol. 3. No. 3. P. 81—90. <https://doi.org/10.17645/mac.v3i3.305>.

Lamberth J. (2004) Ann Arbor Police Department Traffic Stop Data Collection Methods and Analysis Study: Report for the City of Ann Arbor. URL: http://annarborchronicle.com/wp-content/uploads/2012/07/A2_FinalReport_012204_v6co.pdf (accessed: 18.12.2021).

Larsson, S. (2016) A First Line of Defence? Vigilant Surveillance, Participatory Policing, and the Reporting of “Suspicious” Activity. *Surveillance & Society*. Vol 15. No. 1. P. 94—107. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i1.5342>.

Liu X., Bennett M. M. (2020) Viral Borders: COVID-19’s Effects on Securitization, Surveillance, and Identity in Mainland China and Hong Kong. *Dialogues in Human Geography*. Vol. 10. No. 2. P. 158—163. <https://doi.org/10.1177/2043820620933828>.

Lokot T. (2018) Be Safe or Be Seen? How Russian Activists Negotiate Visibility and Security in Online Resistance Practices. *Surveillance & Society*. 16(3): 332—346. <https://doi.org/10.24908/ss.v16i3.6967>.

Louis Harris & Associates (1999). *The IBM-Harris Multi-National Consumer Privacy Report*. New York, NY: IBM.

Lubbers E. (2015) Undercover Research — Corporate and Police Spying on Activists. An Introduction to Activist Intelligence as a New Field of Study. *Surveillance & Society*. Vol. 13. No3/4. P. 338—353. <https://doi.org/10.24908/ss.v13i3/4.5371>.

Lynch C. G. (2018) Don’t let them kill you on some dirty roadway: survival, entitled violence, and the culture of modern American policing. *Contemporary Justice Review*. Vol. 21. No. 1. P. 33—43. <https://doi.org/10.1080/10282580.2018.1415045>.

Lyon D. (2002) Surveillance Studies: Understanding Visibility, Mobility and the Phenetic FIX. *Surveillance & Society*. Vol. 1. № 1. P. 1—7. <https://doi.org/10.24908/ss.v1i1.3390>.

Lyon D. (2009) Surveillance, Power, and Everyday Life. In: *The Oxford Handbook of Information and Communication Technologies*, Avgerou C., Mansell R., Quah D., Silverstone R. (eds.). New York, NY: Oxford University Press. P. 449—472.

Maki K. (2011). Neoliberal Deviants and Surveillance: Welfare recipients under the watchful eye of Ontario Works. *Surveillance & Society*. Vol. 9. No. 1/2. P. 47—63. <https://doi.org/10.24908/ss.v9i1/2.4098>.

Mann S., Nolan J. Wellman B. (2003) Sousveillance: Inventing and Using Wearable Computing Devices for Data Collection in Surveillance Environments. *Surveillance & Society*. Vol. 1. No3. P. 331—355. <https://doi.org/10.24908/ss.v1i3.3344>.

Manokha I. (2020) The Implications of Digital Employee Monitoring and People Analytics for Power Relations in the Workplace. *Surveillance & Society*. Vol. 18. No. 4. P. 540—554. <https://doi.org/10.24908/ss.v18i4.13776>.

Martin A. K., Van Brakel R., Bernhard D. (2009) Understanding Resistance to Digital Surveillance: Towards a Multi-Disciplinary, Multi-Actor Framework. *Surveillance & Society*. Vol. 6. No. 3. P. 213—232. <https://doi.org/10.24908/ss.v6i3.3282>.

Marx G. T. (2003) A Tack in the Shoe: Neutralizing and Resisting the New Surveillance. *Journal of Social Issues*. Vol. 59. No. 2. P. 369—390. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00069>.

Marx G. T. (2015) Surveillance Studies in *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, edited by James D. Wright. Vol. 23. Elsevier Ltd. P. 733—741. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.64025-4>.

Marx G. T., Muschert G. W. (2007) Personal Information, Borders, and the New Surveillance Studies. *Annual Review of Law and Social Science*. № 3. P. 375—95. <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.3.081806.112824>.

Meyer M., Tanner S. (2017) Filmer et être filmé. La nouvelle visibilité policière à l'ère de la sousveillance. *Réseaux*. Vol. 1. No. 201. P. 175—205. <https://doi.org/10.3917/res.201.0175>.

Mitchell D., Heynen N. (2009) The Geography of Survival and the Right to the City: Speculations on Surveillance, Legal Innovation, and the Criminalization of Intervention. *Urban Geography*. Vol. 30. No. 6. P. 611—632. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.30.6.611>.

Monaghan J. (2014) Security Traps and Discourses of Radicalization: Examining Surveillance Practices Targeting Muslims in Canada. *Surveillance & Society*. Vol. 12. No. 4. P. 485—501. <https://doi.org/10.24908/ss.v12i4.455>.

MVA, Miller J. (2000). *Profiling Populations Available for Stops and Searches*. *Police Research Series Paper 131*. London: Home Office. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Profiling-populations-available-for-stops-and-Miller/1005d76d353c62fcd4bf334cfd6068079f09b13d> (accessed: 31.03.2021)

- Nagy V. (2017). How to Silence the Lambs? Constructing Authoritarian Governance in Post-Transitional Hungary. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 447—455. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6642>.
- Nguyen N. (2019) “The Eyes and Ears on Our Frontlines”: Policing without Police to Counter Violent Extremism. *Surveillance & Society*. Vol. 17. No. 3/4. P. 322—337. <https://doi.org/10.24908/ss.v17i3/4.8142>.
- Nunes de Sousa A. L., Cervi L. (2017) Video Activism in the Brazilian Protests: Genres, Narratives and Political Participation. *Northern Lights*. Vol. 15. P. 69—88. https://doi.org/10.1386/nl.15.1.69_1.
- Ogasawara M. (2017). Surveillance at the Roots of Everyday Interactions: Japan’s Conspiracy Bill and its Totalitarian Effects. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 3/4. P. 477—485. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i3/4.6626>.
- Osborn G., Smith, A. (2015). Olympic Brandscapes: London 2012 and the Seeping Commercialisation of Public Space. In: Poynter G., Viehoff V., Li Y. (eds.) *The London Olympics and Urban Development: the Mega-Event City*. London: Routledge. P. 139—153.
- Palmås, Karl. (2011) Predicting What You’ll Do Tomorrow: Panspectric Surveillance and the contemporary Corporation. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 3. P. 338—354. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i3.4168>.
- Pearce K. (2015) Democratizing Kompromat: The Affordances of Social Media for State-Sponsored Harassment. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 10. P. 1158—1174. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2015.1021705>.
- Petersen S. M. (2008) Loser Generated Content: From Participation to Exploitation. *First Monday*. Vol. 13. No. 3. <https://doi.org/10.5210/fm.v13i3.2141>.
- Pospěch P. (2013) Exkluze v privatizovaném městském prostoru: případová studie nákupního centra. *Sociologický časopis*. Vol. 49. No. 5. P. 751—779.
- Qurashi F. (2018) The Prevent Strategy and the UK ‘War on Terror’: Embedding Infrastructures of Surveillance in Muslim Communities. *Palgrave Commun.* Vol. 4. P. 1—13. <https://doi.org/10.1057/s41599-017-0061-9>.
- Rosenblat A., Kneese T., Boyd D. (2014) Workplace Surveillance. *Open Society Foundations’ Future of Work Commissioned Research Papers 2014*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2536605> (accessed: 12.02.2021).
- Rule J. B., McAdam D., Stearns L., Uglow D. (1983) Documentary Identification and Mass Surveillance in the United States. *Social Problems*. Vol. 31. No. 2. P. 222—234. <https://doi.org/10.2307/800214>.
- Saetnan A. R., Lomell H. M., Wiecek C. (2004) Controlling CCTV in Public Spaces: Is Privacy the (Only) Issue? Reflections on Norwegian and Danish Observations. *Surveillance & Society*. Vol. 2. No. 2/3. P. 396—414. <https://doi.org/10.24908/ss.v2i2/3.3385>.

Sanchez, A. (2009) The Facebook Feeding Frenzy: Resistance-through-Distance and Resistance-through Persistence in the Societed Network. *Surveillance & Society*. Vol. 6. No. 3. P. 275—293. <https://doi.org/10.24908/ss.v6i3.3285>.

Sanders R. (2018) *Plausible Legality: Legal Culture and Political Imperative in the Global War on Terror*. New York, NY: Oxford University Press.

Shan R., McQuade B. (2017) Surveillance, Security, and Intelligence-Led Policing in Chicago in Neoliberal. In: Bennett L., Garner R., Hague E. (eds.) *Chicago*. Urbana, Illinois: University of Illinois Press.

Siqueira Cassiano. M. (2019) China's Hukou Platform: Windows into the Family. *Surveillance & Society*. Vol. 17. No. 1/2. P: 232—239. <https://doi.org/10.24908/ss.v17i1/2.13125>.

Stan L., Zulean M. (2018) Intelligence Sector Reforms in Romania: A Scorecard. *Surveillance & Society*. Vol. 16. No. 3. P. 298—313. <https://doi.org/10.24908/ss.v16i3.6880>.

Tewksbury D. (2012) Crowdsourcing Homeland Security: The Texas Virtual BorderWatch and Participatory Citisenship. *Surveillance & Society*. Vol. 10. No. 3/4. P. 249—262. <https://doi.org/10.24908/ss.v10i3/4.3464>.

Topak Ö. E. (2019) Humanitarian and Human Rights Surveillance: The Challenge to Border Surveillance and Invisibility? *Surveillance & Society*. Vol. 17. No. 3/4. P. 382—404. <https://doi.org/10.24908/ss.v17i3/4.10779>.

Topal C. (2005) Global Citizens and Local Powers: Surveillance in Turkey. *Social Text*. Vol. 23, No. 2. P. 85—93. https://doi.org/10.1215/01642472-23-2_83-85.

Tréguer F. (2015) Hackers vs States: Subversion, Repression and Resistance in the Online Public Sphere. *Droit et société*. Vol. 3. No. 91. P. 639—652. <https://doi.org/10.3917/drs.091.0639>.

Twersky Glasner A. (2005) Police personality: What is it and why are they like that? *Journal of Police and Criminal Psychology*. Vol. 20. No. 1. P. 56—67. <https://doi.org/10.1007/BF02806707>.

van der Vlist F. N. (2017) Counter-Mapping Surveillance: A Critical Cartography of Mass Surveillance Technology After Snowden. *Surveillance & Society*. Vol. 15. No. 1. P. 137—157. <https://doi.org/10.24908/ss.v15i1.5307>.

Walker S. (2001) Searching for the Denominator: Problems with Police Traffic Stop Data and an Early Warning System Solution. *Justice Research and Policy*. Vol. 3. No. 1. P. 63—95. <https://doi.org/10.3818/JRP3.1.2001.63>.

Walsh J. P. (2010). From Border Control to Border Care: The Political and Ethical Potential of Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 2. P. 113—130. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i2.3481>.

Westin A. F. (1952) The Wire-Tapping Problem: An Analysis and a Legislative Proposal. *Columbia Law Review*. Vol. 52. № 2. P. 165—208. <https://doi.org/10.2307/1119131>.

Westin A. F. (2003) Social and Political Dimensions of Privacy. *Journal of Social Issues*. Vol. 59. № 2. P. 431—453. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00072>.

Wicker S. B. (2014) *Cellular Convergence and the Death of Privacy*. Oxford: Oxford University Press.

Wilson D., Serisier T. (2010). Video Activism and the Ambiguities of Counter-Surveillance. *Surveillance & Society*. Vol. 8. No. 2. P. 166—180. <https://doi.org/10.24908/ss.v8i2.3484>.

Wilson D., Weber L. (2008) Surveillance, Risk and Preemption on the Australian Border. *Surveillance & Society*. Vol. 5. No. 2. P. 124—141. <https://doi.org/10.24908/ss.v5i2.3431>.

Wood D. M. (2012) Beyond the Panopticon? Foucault and Surveillance Studies. In: Crampton J., Elden S.(eds.) *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Farnham: Ashgate. P. 245—263.

Wood M. A., Thompson C. (2018). Crowdsourced Countersurveillance: A Counter-surveillant Assemblage? *Surveillance & Society*. Vol. 16. No. 1. P. 20—38. <https://doi.org/10.24908/ss.v16i1.6402>.

Zuboff S. (2015) Big Other: Surveillance Capitalism and the Prospects of an Information Civilization. *Journal of Information Technology*. Vol. 30. No. 1. P. 75—89. <https://doi.org/10.1057/jit.2015.5>.

Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, NY: Public Affairs.